

Беды случаются

Адалинда Орс Ланда

Адаптация в Китае проходила довольно медленно. Линда залечивала раны, гуляла по окрестностям, ждала свои вещи, которые должны были приехать вслед за ней. Кунца она практически не видела, да и к лучшему. Человек, с которым у нее было столько недопонимания и откровенных ссор, не являлся личностью, с которой она мечтала пообщаться, живя на природе. В монастыре творились интересные дела, и девушка даже посетила пару занятий. Нет, участия не принимала, просто смотрела со стороны, удивляясь тому, как спокойно здешние жители воспринимали любое проявление магии. Адалинда сходила в деревню и даже отправила весточку на родину - сообщить о своих "успехах". И спустя довольно небольшое количество времени ей пришла телеграмма. Да-да, именно телеграмма, ведь телефон у нее отказывался работать на таких высотах. Писал старый тренер. Кратко, как и положено в телеграмме. И непонятно. Пропал Вебер, возвращайся. Девушка полдня ломала голову, почему он вызывает ее. Если Алекс пропал неподалеку от дома, то на кой черт она там понадобилась? Да, это ее старый приятель. Да, в меру взбалмошный. Ну и что с того? Если же он пропал в горах, то почему опять же вызывают ее, а не службу спасения или полицию?

Подробности удалось узнать только в Пекине, откуда она позвонила тренеру. И опять ничего толком не поняла. Какая-то завеса таинственности. Ушел в горы, не вернулся, место странное, приезжай, полицию нельзя. Это вообще что такое? Бред сивой кобылы или разговор с серьезным человеком? Линда прошла регистрацию на рейс, дождалась, когда на табло высветится ее рейс, и прошла по длинному рукаву в самолет. Место ей досталось хорошее - возле окна. То есть максимум один сосед, от которого можно отвернуться и подумать, глядя на облака. Она закинула свой рюкзак на полку и пробралась на свое место. И, подставив под подбородок кулак, задумчиво уставилась в иллюминатор.

Хельмут Кунц

Постепенно его существование приходило в норму. Хельмут искал новую точку опоры, понимания того, что же он должен делать в этом мире, как жить дальше. Занятие, ученики – мужчина втягивался в ритм монастырской жизни, отыскивая в ней свою прелесть, спокойствие, что так было ему нужно. Спустя почти пять лет он наконец смог почувствовать, что все-таки еще живой. Он живет, чувствует, думает и может двигаться дальше. Это постепенно обретаемое спокойствие не разрушил даже визит Ровены. Осознанно или нет, но Хельмут даже зацепился за него, получил ощущение, что не так уж одинок в этом мире, как ему казалось. Кому-то было не все равно, кто-то настаивал и требовал, чтобы он хоть раз в месяц сообщал, что жив. И был готов проехать полмира и отыскать не отмеченный ни на одной карте монастырь для того, чтобы в этом убедиться.

Все было хорошо. Так можно было сказать, пока не пришел ответ на одно из его дежурных писем Ровены. Сестра в свойственной ей резкой форме советовала ему все-таки завести телефон и отвечать на звонки его коллег, которые порядком ее достали и вообще язык устал объяснять, что он жив и где вообще обитается.

Хельмут не то чтобы устыдился, но в Лхасу честно съездил и связался со своими знакомыми по клубу, пытаясь понять, кто же его так настойчиво искал. Оказалось, что в начале – Вебер, а потом он умудрился пропасть где-то в Альпах. Вебер был хорошим другом. Не болтливым, хоть и не производил такого впечатления, и знал достаточно. Так же как и Хельмут знал о нем многое из того, что другие знакомые и не предполагали. И вообще это был один из тех немногих людей, для которых Кунц был готов оставить свое размеренное существование и отправиться в Альпы. Только позвонил Ровене, предупредил, куда направиться, да попросил если будет возможность – приехать в Линь Ян Шо и присмотреть за его учениками. Сестра буркнула в трубку что-то неразборчивое, что Хельмут расценил как согласие. После чего мужчина оповестил о своем отъезде Настоятеля и с чистой совестью сел на самолет от Лхасы до Пекина. Благо деньги у него были – Ровена позаботилась о том, чтобы все вещи, что он ранее оставил в Лхасе, добрались до него.

До самого Пекинского аэропорта ничто не предвещало беды. Первый тревожный звоночек раздался, когда Хельмут углядел в очереди на регистрацию подозрительно знакомую светловолосую макушку. Но тогда он решил, что ему померещилось. Вот только в самолете, когда он прошел к своему месту, его взгляд поймал все тот же знакомый затылок – девушка сидела отвернувшись к окну. Кунц осторожно посмотрел на свой посадочный талон, надеясь, что ошибся рядом, местом и на худой конец самолетом (последнее было бы лучше всего, но, к сожалению, невозможно) и обреченно закинул сумку в багажный отсек, после чего сел в кресло. Вот почему ему так везет и Линда решила лететь на родину тем же рейсом? Раньше что ли не могла вспылать любовью к родине? Хельмут загрустил и стал смотреть в окно, что находилось с противоположной стороны салона. Волк внутри завыл тревожно и обреченно. Летать он не любил, предпочитая твердо стоять на земле. А уж в такой компании... может быть еще не поздно прыгнуть с парашютом или сменить рейс?

Адалинда Орс Ланда

Рабочие машинки за окном сновали туда-сюда, выполняя какие-то свои полетные дела. Вон тот погрузчик точно развозил багаж - пер за собой целый вагон чемоданов и сумок. А вот там микроавтобус вез пассажиров к большому самолету. Все были заняты своими делами. Куда-то медленно и величественно проехал огромный самолет, раза в два больше, чем у Линды. Она смотрела в окно, а сама проваливалась в воспоминания. Вот Александер весело предлагает устроить пикник на природе. Вот он же рассчитывает новый маршрут, заверяя, что опасности в нем нет. Он вообще всегда был очень расчетливым, этот Вебер. И как его угораздило пропасть? Это ведь нужно, чтобы случилось что-то серьезное, а не просто сошел с тропы и заблудился. У него наверняка и рация, и одежда, и питание с собой. В то, что Алекс мог пойти куда-либо налегке, она не верила. Не тот это был человек. А опыта у него поболее, чем у нее.

Девушка прослушала команды к старту, и только механически щелкнула ремнями, продолжая смотреть, как под крыло самолета убегают бетонные плиты взлетной полосы. Легкий толчок, и навалилось чувство тяжести - они пошли на взлет. Летать Линда ненавидела. Сразу вспомнился анекдот.

- Ой, какая красивая земля под нашими крыльями, ой, какая трава зеленая. Ой,

люди то люди, как муравьи!

- Это и есть муравьи, мы еще не взлетели!

За бортом менялся пейзаж - уходили вниз деревья и строения, удалялись и уплывали назад дороги. Адалинда вынырнула из воспоминаний и осмотрелась. Моргнула. Потерла глаза. Прикинула, не могла ли незаметно для себя уснуть или сойти с ума. Вроде нет.

- А ты что здесь забыл? Ты что, следил за мной? - в наигранном гневе завила она затылку Кунца, ткнув того пальцем в бок.

Хельмут Кунц

Взлетели они тихо, мирно и спокойно. Линда смотрела в свое окно, Хельмут достал из кармана на сиденье впереди него какой-то журнал и уткнулся в него. Журнал был на китайском, в нем мужчина не понимал ни слова, но зато можно было сидеть с умным видом и делать вид, что его тут нет. Правда, долго наслаждаться тишиной и спокойствием под мерное гудение самолетных двигателей не довелось, потому как Линда закончила созерцать виды за окном (и правда, что там созерцать, когда одни облака видны) и обратила внимание на то, кто же достался ей в соседи.

- Тот же вопрос хотел бы задать тебе, где не появлюсь — везде ты, - ответил Хельмут на мгновение поднимая глаза от журнала. В первый момент он вообще хотел прикинуться глухим, но потом решил, что это его вряд ли спасет. Такие совпадения ему категорически не нравились, списать все на случайности однако тоже не получалось, после пребывания в Линь Ян Шо он вообще перестал верить в случайности и совпадения. Так что стоило наверное попытаться выяснить, куда же направляется Линда.

- Соскучилась по дому? — с другой стороны, он не знал, сколь долго она планировала оставаться в монастыре. Может быть уже нашла то, что искала и собралась обратно? Кто знает.

- Или надоело монастырское бытие? — все же Линда не походила на человека, который мог так долго оставаться где-то в дали от цивилизации. Он еще по клубу помнил, что ее вечно куда-то тянуло — кафе, клубы, компании. Что ей делать на Тибете?

Адалинда Орс Ланда

Хорошая компания в отличном месте - что может быть лучше? К страху летать прибавилось раздражение на Кунца, который внезапно снизошел до нее и принялся болтать как красна девица. Видимо, это карма у нее такая - постоянно бороться со своими чувствами к этому мужчине. Безрадостные перспективы, темное будущее. Слушать на трезвую голову бредовые речи Хельмута желания не было никакого. К тому же самолет ухнул в воздушную яму, отчего Линда подавилась языком, стараясь не заорать в голос что-то типа "спасите-помогите-падаем!"

Она состроила зверскую физиономию, нагло привстала с сидения и выудила из под бока небольшой рюкзак, с которым решила ни за что не расставаться. Открыла его, выудила небольшую пластиковую бутылку с Джемисон и с предвкушением открыла ее. Кунца она решила игнорировать до тех пор, пока жизнь кардинально не

наладится. Это случилось примерно на десятом хорошем глотке, который она заела купленной в Duty Free шоколадкой. В голове приятно зазвенело, картинка смягчилась, а на ум пришла мысль, что в принципе, Кунц не самый плохой вариант соседа на весь их долгий полет, К примеру, ей мог достаться китаец из деревни, который снял бы обувь. Или рядом мог бы разместиться тучный человек, занявший не только свое, но и половину ее места. Так что нет, Хельмут определенно был отличным соседом. Отзывчивым, разговорчивым и что самое главное - знакомым. Не попытается начать ненужное знакомство, не будет заигрывать, сухарь чертов!

- Ну, Хельмут, а тебя что с подвигло полететь на землю предков? У меня вот срочные дела образовались! - с чуть заметным пьяным акцентом миролюбиво спросила она мужчину, и даже мило ему улыбнулась. И добавила почти нежно, склонившись к Кунцу и прошептав ему на ушко. - По работе!

Хельмут Кунц

Отвечать ему Линда определенно не собиралась. Во всяком случае сейчас проигнорировала, что несомненно, было лучшим из возможных исходов, поэтому Хельмут с чистой совестью опять уставился в журнал, постаравшись по мере сил не думать о своей соседке, которая старательно копалась в вещах. Носа коснулся резкий запах крепкого алкоголя. Хельмут поморщился, рефлекторно потеряв нос, и отвернулся. За окном, что находилось через проход от него, виднелись сплошные облака и ничего больше, а виски снова сдавливало предупреждающей болью, которую Кунц списал на тот факт, что в этот момент самолет ухнул в воздушную яму, заставив его пережить не самые лучшие мгновения в своей жизни и в очередной раз подумать о том, что люди – не птицы и им природой определено стоять на твердой поверхности, а не летать в поднебесье.

Самолет выравнялся и только Хельмут успел примириться с полетом, убедив себя в том, что сейчас это самый быстрый способ передвижения, как Линда решила вспомнить о ранее заданном ей вопросе.

- Дела, - так же кратко ответил ей Кунц, не собираясь вдаваться в подробности. А ведь что ему стоило задуматься о том, какие дела могли одновременно позвать их на историческую родину? Но как-то Хельмут все время забывал, что Вебер в этой жизни был не только его другом. Линда наклонилась ниже, опять обдав его запахом алкоголя, так что Хельмут поморщился уже отчетливее. Сам он не пил и уже довольно давно, вот только никак не мог вспомнить – почему. Вроде бы раньше такого пристрастия к здоровому образу жизни за ним не водилось. А потом – как отрезало, но те события совершенно не хотелось вспоминать и копаться в них, отыскивая тот самый переломный момент.

Адалинда Орс Ланда

Фу таким быть. Линда отстранилась от Хельмута, кривя мордашку и пародируя его высокомерный вид и взгляд. Даже попыталась пробасить "дела", да закашлялась и умолкла. Главного она добилась - тянущая пустота в районе живота рассосалась, оставляя лишь тепло от спиртного. Лететь им было очень долго, и душу грел не только алкоголь, но и понимание того, что в сумке у нее найдется еще несколько бутылочек отличного вискаря. Она не понимала людей, которые говорили, что любят летать. Даже тех не понимала, кто просто не боялся. Металлическая

болванка с крыльями взмывала вверх, и все, что удерживает ее от падения - законы, которые ей неподвластны. И пилоты, да. Законы и пилоты. И все это могло сломаться, открутиться, перестать работать. Пилоты могут напиться, вон сколько случаев уже было. У них случаются сердечные приступы. Они оказываются террористами. Тут Линда поняла, что надо прекращать думать на эту страшную тему, иначе она заорет от дикого страха. И алкоголь не поможет. В один присест она допила бутылочку и жестом подозвала стюардессу.

- Скажите, пожалуйста, скоро ли подадут обед? - обворожительно улыбнулась она девушке. Выяснилось, что примерно через полчаса состоится им будут предложены блюда на выбор и напитки. Уже лучше. Полет переставал быть ужасающим и переходил в разряд терпимых, когда Ланда напивалась и наедалась. И так до самой посадки.

- Слушай, нам лететь много часов, - точнее Линда уже не помнила. - Так давай хоть поболтаем, а? Не знаю как тебе, а мне самолеты не нравятся. И летать я боюсь. Пить будешь?

Хельмут Кунц

Хельмут мог только поразиться железному желудку Линды. Сам он есть в самолете не мог. Мужчина вообще предпочел бы закрыть глаза и заснуть, чтобы проснуться – а они уже либо упали, либо прилетели. А тут поспать ему явно не дадут, придется лететь осознанно и старательно гнать от себя всякие неприятные мысли о том, сколько же там метров под ними и как далеко земля.

- Мне они тоже не нравятся, - сознается Хельмут, - поэтому я бы предпочел поспать, - но это он, а Линда явно жаждет общения и побольше. Хотя посидеть спокойно она не дала бы ему просто из принципа и вредности. Правда, Кунц так и не понял, за что и когда успел заслужить столь пламенную любовь. И ведь началось все задолго до того злополучного похода.

- Пить – не буду, - в который уже раз устало сообщает Хельмут. Объяснять, что он не пьет, совсем и даже чуть-чуть и за компанию он устал еще со времен работы в клубе. Постепенно такие вопросы и сочувствующие взгляды вместе с вопросами что не так у него со здоровьем стали порядком подбешивать.

Самолет слегка трянуло. Кунц резко забыл, о чем только что говорил и судорожно вцепился в подлокотники. Может быть все же стоило отправиться морем? Или как-то по суше? Но выбора не было. Хельмут напомнил себе одновременно про Вебера и необходимость оказаться на месте быстро, закрыл глаза и попытался все-таки заснуть. Но кто бы ему дал это сделать?

Адалинда Орс Ланда

Нет, не станет Кунц на время полета закадычной подружкой, с которой можно и о моде поговорить и мужиков обсудить. Линда обиженно выпятила нижнюю губу и надулась. Вот так даешь человеку второй шанс. Как бы намекаешь, что готов к новым отношениям, открыт для диалога и вообще решил начать все с чистого лица. И этот второй шанс Кунц благополучно профукал. Да что там, если уж говорить откровенно, он еще и первый профукал, будучи совершенно неспособным выгулять девушку. Ну а дальше покатился по наклонной. Показал себя не только плохим мужиком, но и никчемным инструктором. Не человек, а наказание. И теперь это наказание отказывалось с ней общаться, строя из себя невесть что.

- Э, нет. Какой спать?! Сейчас поесть привезут! Вон, смотри, у них там шторка шевелится, явно же тележки снаряжают, - попыталась соблазнить этого сухаря Линда. Она уже прикинула и поняла, что такими темпами бутылочек ей может и не хватить на весь полет. Спать она категорически не собиралась, в полете ей не удавалось расслабиться. Огорчало, что пить Кунц опять не собирался. Трезвенник-язвенник.

- Тогда я буду пить, а ты рассказывай что-нибудь. А то я опять бояться начала, - самолет в очередной уже раз трянуло, и Линда, в доказательство своих слов, резко приобрела светло-оливковый оттенок кожи. Алкоголь одиноко бултыхнулся в желудке, и девушке показалось, что сейчас он рванет назад в бутылочку. Но нет, пока обошлось.

Хельмут Кунц

О том, сколько и каких замечательных шансов только что прошло мимо него, Хельмут не думал. Самолет трясло и все мысли его заключались в простейшем «грохнемся или нет?», в которое каким-то таинственным образом затесались слова молитвы, которую часто читала его мать – женщина весьма религиозная. Молитву Кунц толком не знал, успешно путаясь в трех словах и искренне надеясь, что все это вот сейчас закончится – то есть они или упадут и ему будет все равно, или эта тряска наконец закончился. Благосклонная к ним сегодня судьба предпочла второй вариант, и Хельмут вернулся к реальности как раз тогда, когда Линда начала рассуждать про еду.

- Есть я тоже не буду, - упрямо сообщил он своей попутнице, в свою очередь принимая нежно салатный оттенок. Какая уж тут еда?

- Тебе пакетик дать? – вполне вежливо поинтересовался он у Линды, заметив, что и той алкоголь пошел явно в какую-то неправильную сторону, но все вроде обошлось.

- Я похож на сказочника? – рассказывать сейчас Хельмут определенно был не в настроении, в голове опять вертелось навязчивое «грохнемся, грохнемся, грохнемся» и он чрезвычайно сожалел, что самолет нельзя остановить, чтобы сойти на следующей станции и подождать более приличествующий человеческому существу вид транспорта.

От этих мыслей все же стоило отвлечься, чтобы так сказать не привлекать. Определенных суеверий в голове Хельмута было более чем достаточно.

- Что тебе рассказывать? – уже более миролюбиво продолжил он, откидываясь головой на спинку сидения и закрывая глаза. Так мир воспринимался намного лучше и можно было попробовать не думать о том, что он в самолете.

Адалинда Орс Ланда

Пока Линда глубоко дышала, пытаясь совладать с алкоголем, херр Кунц строил из себя галантного кавалера, предлагая ей пакетик и услуги по рассказу историй. За время, пока самолет мелко подрагивал, девушка успела принять два важных решения. Первое - пить пока хватит, надо перетерпеть. Второе - есть она тоже не будет, составит компанию Хельмуту. В это же время замигали лампочки, требующие пристегнуть ремни, а пилот на ломаном английском сообщил, что они находятся в зоне турбулентности. Линда побледнела еще сильнее, и, не помня себя, схватила

Кунца за руку. Рванула к себе, прижала к груди и белыми губами буквально прошелестела ему срывающимся голосом.

- Да хоть как на горшок ходил, только не молчи! - из головы вылетели все мало мальски приличные темы, которые она обычно заготавливала для таких случаев. Знакомилась с соседями, если не была уже вдрызг пьяна, и разговаривала с ними о политике, мировых ценах и мимимишных котиках. Это немного отвлекало от полета, а со временем страх даже отступал. Но если самолет потряхивало, даже немного, он возвращался и цеплялся в душу ледяными когтями.

- Ну или если тебя смущают такие интимные темы, то про цены на нефть! - нетерпеливо добавила она, следя за спокойными стюардессами, которые ходили по рядам и раздавали конфетки. Тревожная лампочка все мигала, сопровождая каждое моргание звуковым сигналом, отчего девушке казалось, что они уже падают и вот-вот врежутся в землю.

Хельмут Кунц

И только он решил хоть немного расслабиться, мысленно повторяя какую-то мантру о том, что они долетят и все будет хорошо, как словно в насмешку над его попытками мыслить позитивно, пилот проинформировал их о том, что они входят в зону турбулентности. Хельмут торопливо пристегнул ремни, внутренне совершенно не веря, что это ему как-то поможет. Ну разве что труп будет опознавать сподручней, если он будет привязан к закрепленному ему билетом месту, а не болтаться где-то неизвестно где. Для этого все ремни, наверное, и придумали. Право, как можно вообще спасти тех, кто падает с высоты во сколько-то там тысяч метров? Вот именно, что никак.

Линда схватила его за руку и от этого отчего-то стало легче. Вообще проще самому себе казаться спокойным и сильным, когда боится рядом кто-то другой, кто-то за кого ты чувствуешь ответственность. Линда под эту категорию совершенно не попадала, но сейчас все вообще было перекручено с ног на голову, и мысли казались какими-то странными и чужими. Например Хельмут подумал вдруг, что разбиваться рядом с симпатичной девушкой все же лучше, чем с каким-нибудь толстым и вонючем бизнесменом из тех, кто возвращался из Пекина в Берлин или наоборот летел туда по делам. Мысль о том, что Линда – очень симпатичная девушка была для Кунца настолько неожиданной, что он даже временно забыл про турбулентность и повернулся к ней, чтобы проверить.

Бледная и перепуганная Линда выглядела настолько несчастной, что ее было жалко, хотелось прижать к себе и успокаивающе гладить по голове, говоря что-то вроде того, что скоро все кончится и они либо упадут, либо приземлятся. Хотя Хельмут не отказался бы, если ему кто-то сказал что-то в таком духе. Самолет снова тряхнуло и Кунц обреченно закрыл глаза. Стоило ли говорить, что не помнил он не то что цен на нефть, но даже свое имя припомнил бы со второго раза на третий? Но нужно было хоть что-то говорить, просто для того, чтобы сосредоточиться на словах и ни о чем не думать:

- Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...

Вас удержу во власти вдохновенья?

Былым ли снам явиться вновь дано? - первые слова дались тяжело, Хельмут и сам не знал, откуда эти строки взялись в голове, может быть учил когда-то давно, а может быть что-то такое читала в свое время мать или Ровена. Помнится, последняя одно время увлекалась поэзией, но это было так давно. Странно, что подобные мысли возникали в голове сейчас. Кунц провел пальцами по руке Линды, которой она держала его руку и продолжил:

- Из сумрака, из тьмы полузабвенья

Восстали вы... О, будь, что суждено, - кажется это был Гете. Или нет? Вспоминать было проблематично, как и думать о том, лучше ли это чем рассказы о ценах на нефть или его далеком детстве. Все равно ни того, ни другого Хельмут не помнил, так что Линде придется довольствоваться тем, что идет ему в голову.

Адалинда Орс Ланда

Бортпроводницы успокаивали взволнованных пассажиров банальными избитыми фразами, отчего ситуация выглядела еще более удручающей. Линда вглядывалась в лица стюардесс, пытаясь найти хотя бы единственный намек на затаенный страх. Но нет, те были безукоризненны, и улыбки их могли побороться с лучшими из Голливуда. Самолет опять тряхнуло, но девушки, как по команде, просто крепче ухватились за спинки кресел, и продолжили свой обход по самолету. Ланде на ум пришла мысль, какого ж черта они то не сели и не пристегнулись? Они что-то знают, и понимают, что это бесполезно? У них запасной план? У них запасной выход, парашюты и рации? Нет, это уже пахло пьяным бредом. А тут еще, решив, видимо, добить ее окончательно, Хельмут вдруг начал читать стихи. И нет, это не было аллегорией, он действительно читал наизусть классику. Хотелось заржать в голос от бредовости ситуации. Или зарыдать навзрыд, чтобы красивые улыбчивые стюардессы подошли и хором успокаивали, глядя при этом по голове. Кунц, тем временем, вспомнил, что он мужик, а она женщина, и решил с ней позаигрывать. Голос его импозантно подрагивал, а пальцами он ласково гладил по руке Линду.

- Да ты с ума сошел, не иначе! - прошипела она, желая одного - красиво фыркнуть и вырвать руку. Но он так ласково ее гладил, и так проникновенно говорил, что сил не было никаких. И пусть все это походило на бред сумасшедшего, но Линда неожиданно прониклась ситуацией. Они явно вот-вот упадут и разобьются. И их опознают по коронкам на зубах, если таковые имеются, да по паре обгоревших костей. И на фоне надвигающегося кошмара Кунц обрел просветление и решил ей в чем-то признаться. В чем-то светлом, нежном и красивом. Так что девушка, неожиданно для себя, накрыла его руку своей и, глядя прямо в глаза, простучала зубами следующие строки.

- Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует...

Хельмут Кунц

Хельмут открыл глаза и даже повернулся к Линде. И кто тут из них сумасшедший? Или ей правда так хотелось послушать грустную повесть о горшках, что классика ее не устраивает? Но классика Линду все же устроила, так что предыдущую фразу можно было смело списать на шок и передозировку алкоголя в организме.

- Вы принесли с собой воспоминанье,
Веселых дней и милых теней рой, - уверенно продолжил он, сам удивляясь собственной памяти и тому, что голос вдруг совершенно перестал дрожать. А мысли о падении вдруг оказались далекими и какими-то совершенно посторонними. Пусть все вокруг бегает в панике, сверкают цветоиндикацией и хватают за руки бортпроводниц, у них вдруг установился свой собственный, совершенно особый мирок, что был бесконечно далек от всей этой паники и суеты:

- Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной, - как же давно все это было. Как же далеко он это похоронил где-то в глубине, а сейчас – вот оно, так близко и будто снова. Может они и вправду падают, а это как пишут в книгах - вся жизнь проносится перед глазами?

- Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой, - нет, ну откуда этот Гете все это мог знать? Билась в мозгу отчетливая мысль. Откуда мог писать все так правильно и точно, будто видел сам. Самолет еще раз тряхнуло и Хельмут помимо воли крепче стиснул руку Линды, задержав дыхание и прислушиваясь к окружающим звукам. Падают? Сейчас врежутся в землю или упадут в воду?

Адалинда Орс Ланда

- И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной, - на одном дыхании вымолвила Адалинда, продолжая смотреть в глаза Кунцу. Какие у него, оказывается, красивые глаза. И где-то в глубине даже теплые, добрые. Очень глубоко, запрятано надежно, только вот почему? И какого черта он вспомнил именно Гете? Почему это место? Она учила его в юности, но никогда особо не вникала в смысл. Скорее это были стихи, обязательные по программе, чем по душе. И вот сейчас оказалось, что талантливый поэт словно видел сквозь пространство и время. Ведь она летит к другу, которого обманула Судьба. не меньше. Всю жизнь наслаждаться горами, и пропасть именно там - чем не казус?

- Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя - увы! - уж не слышна... - на последней строчке самолет резко ухнул вниз, отчего Линда буквально провизжала слова на ухо Хельмуту. Нет, ее песнь слышна и на том свете, это уж точно. Дикий ужас опять навалился, и девушка, не выдержав, вдруг всхлипнула, раз, другой, и бросилась на шею мужчине. Обняла его крепко-крепко, прижалась и затряслась всем телом. Ее все еще немного мутило, а от алкоголя кружилась голова, так что Линда не понимала, падает ли самолет, или уже вышел из кошмарной ямы.

- Хельмут, я не хочу. Я не хочу, слышишь? Это нечестно, Хельмут! Я боюсь, - горячо зашептала она, не особо заботясь о том, слышит он ее или нет. Ей надо было почувствовать близость знакомого человека. Понять, что она не одна. И это странным образом дарило надежду, что с ними не может случиться ничего страшного.

Хельмут Кунц

- Кружок друзей рассеян по вселенной,

Их отклик смолк, прошли те времена, - следующую строку пришлось буквально выталкивать из себя. Хельмут смотрел в одну точку, пока сердце, душа и прочие органы уверенно ломанулись куда-то к пяткам и ниже, туда, куда неожиданно собрался падать весь огромный самолет.

Он не помнил, чтобы раньше летать было настолько страшно, но паника, как известно, штука заразная, а бояться коллективно получается еще лучше, чем бояться в одиночку. Так что в этот раз все сошлось один к одному.

- Я чужд толпе со скорбью мне священной, - эти слова казались какой-то насмешкой над ним. Будто относили его на четыре года назад и мучительно заставляли вспоминать. Но он только крепче сжал руку Линды и продолжил:

- Мне самая хвала ее страшна, - и тут мир в очередной раз перевернулся – Линда попыталась куда-то сбежать из удерживающих ее ремней безопасности и внезапно оказалась очень близко. *Когда мы разобьемся и нас тут так найдут – чей труп тот опознают мой или ее? И кто будет числиться без вести пропавшим, а кто мертвым?* В голове чехардой скакали какие-то совершенно дикие и глупые мысли.

- Долетим, - упрямо ответил Хельмут Линде, - непременно долетим, - он сам в этом глубоко сомневался. *Но не говорить же ей, что страшно так, что словами не передать?* Самолет же будто послушался его слов – трясоти стало меньше, кажется, они выбрались из этой зоны турбулентности. Еще немного – и перестали тревожно мигать аварийные сигналы. *Они... живы?*

Адалинда Орс Ланда

- А те, кому моя звучала лира,

Кто жив ещё, - рассеяны среди мира, - слово "жив" словно взорвало мозг Адалинды. Каждый звук казался ей каким-то предзнаменованием чего-то важного. Страшного или нет - уже не суть. Просто это были знаки. Нет, вот так - Знаки и Знамения. Лютый скептик уверует в подобное, если на кону стоит его жизнь. Ведь бывает такое, что ловишь каждый звук, каждое слово. Да что там - в номерах машин ищешь тайный смысл, лишь бы получилось именно то, что нужно. И внутренне сжимаешься, когда при загаданном "если будет солнечно, никто из близких не умрет", на улице льет дождь как из ведра, а в больнице, в реанимации, хватается за жизнь твой родной человек. И все катится к чертям, и нервы как струны. И боль, ведь ты надеялся на солнце. И понимаешь всю глупость этого метода. И все продолжаешь цепляться за него. Ведь он повышает шансы выжить. Как тебе кажется...

Линда подняла взгляд на Хельмута. Тот почему-то был словно в тумане - девушка не сразу поняла, что на ее глазах застыли слезы. Она быстро вытерла их кулаком, злясь на себя за проявленную слабость. Воздушная болтанка как-то резко пошла на убыль, сигналы перестали мигать, а бьющий по нервам звук прекратился. К тому же рядом был Кунц, который что-то ей шептал. Что-то оптимистическое, чего от него никак нельзя было ожидать. За все время, что Линда общалась с ним, у нее сложилось впечатление, что Хельмут способен лишь на констатацию фактов, но никак не на предположения и тем более поддержку. По крайней мере в таком

положении.

- Что, все? - Линда подняла голову, всеми силами стараясь сдержать подлую дрожь, охватившую ее тело. От Кунца она отлепляться не спешила, он, при всей своей отрицательной харизме, сейчас действовал на нее крайне положительно. Вот перестали трястись руки, и девушка даже расцепила сведенные, словно в судороге, пальцы. Выстукивая слова зубами, тихо спросила. - А кроме меня еще кто-то так боялся? - то, что Хельмут держался немногим лучше нее самой, она предпочитала не замечать. Так спокойнее...

Хельмут Кунц

Там дальше были еще какие-то строчки. Но Хельмут совершенно их не помнил, на ум шли только самые последние. Самые важные? И такие созвучные с происходящем:

- Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось,
Все, что прошло – восстало, оживилось! – а потом была оглушающая тишина, или Хельмуту только так казалось? Во всяком случае окончилась тряска, окончился и их импровизированный вечер классической немецкой поэзии. Странно они наверное выглядели со стороны. Впрочем – плевать. Мужчина откинулся на спинку кресла, ощущая себя слишком усталым – слишком много эмоций за один раз.

- Кажется да, закончилось, - и как ни странно – закончилось совсем не падением. Во всяком случае, они летели дальше, а улыбающиеся стюардессы разносили обед и напитки. Вот только есть по-прежнему не хотелось. Хельмут попросил стакан воды – он и не заметил, что в горле настолько пересохло.

- Не знаю, я не смотрел по сторонам, - честно ответил Кунц. Пока их трясло смотреть у него почему-то получалось только на Линду, которая все никак от него не отцеплялась, а он не решался напомнить ей об этом. С другой стороны – жалко что ли. Пусть ее.

- Летим дальше, - задумчиво заметил он, прислушиваясь к ровному шуму двигателей и посмотрел на часы. Получалось, что проделали они едва ли половину пути. Впереди еще были многие километры, потом отель, а потом – в горы. И стоило все-таки поспать. Хельмут устроился поудобнее, надеясь на небольшое перемирие и немного тишины.

Адалинда Орс Ланда

А у него еще хватило сил закончить читать наизусть великого Гете. Линда же зыркала по сторонам настороженным взглядом, да прислушивалась к своим ощущениям. Ей казалось, что установившееся затишье, не что иное, как последний глоток воздуха перед смертью. И сейчас грянет буря. Завизжит сирена, выпадут им на лица кислородные маски, затрясет, завоет самолет. Но нет, текли вязкие, страшные секунды, и ничего не менялось. Стюардессы улыбались. народ вокруг негромко переговаривался, обсуждая неожиданно сильные воздушные ямы и турбулентность. Их путь лежал дальше, причем не вниз, и это не могло не радовать. Линда тихо отцепилась от мужчины и выдохнула сквозь зубы. Пожалуй, это был самый сложный из всех ее перелетов. И в плане компании, и в плане обстановки.

Рука сама потянулась за новой бутылкой. Пока их болтало, девушка успела протрезветь почище стеклышка, и это ее совсем не радовало. Даже показалось, что случись турбулентность на трезвую голову, и ее бы всей командой ловили по борту, а она бы визжала, как не хочет умирать. А так вроде ничего, высидела, вытерпела. Алкоголь помог, смягчил удар по нервам.

- Ну, летим, так летим, - пробормотала она, открывая бутылочку. Джемисон. Не слишком любимый, но пусть будет. В конце концов она не на дегустации, ей бы пожар в душе залить. Линда пристально глянула на Кунца, который словно заполз обратно в раковинку, да еще и воротца за собой прикрыл. Вот только что был приличным человеком, успокаивал ее стихами, и вот уже опять стал редкостным чурбаном.

- Если захочешь выпить - обращайся, - она подняла бутылку и взболтала ее содержимое, показывая его Кунцу. Ну вдруг свершится чудо, и он решит опять побыть хорошим парнем? Линда сделала большой глоток и посмотрела в иллюминатор. Где-то внизу плыли облака. Была надежда, что больше болтанок не будет, и они прилетят в целостности и сохранности.
